

Ф. Б. Шенк

«Я ТАК УСТАЛА БЫТЬ ПЕРЕЛЕТНОЙ ПТИЦЕЙ» ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИМПЕРСКОЕ ГОСПОДСТВО В АВТОБИОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ¹

F. B. Schenk

“I AM SO TIRED OF BEING A BIRD OF PASSAGE”. IMPERIAL SPACE AND IMPERIAL RULE IN THE AUTOBIOGRAPHY OF A RUSSIAN NOBLEWOMAN

Статья посвящена автобиографическим текстам русской дворянки В. Ф. Духовской (урожд. Голицыной, 1854—1931), воспоминания которой могут быть прочтены как источник для изучения культурной истории Российской империи. Будучи супругой высокого царского сановника С. М. Духовского, который, помимо прочего, служил генерал-губернатором Амурской области и Туркестана, Духовская теснейшим образом соприкасалась с культурным, географическим и политическим многообразием царской империи. Автор задается вопросом о том, как Духовская в своих воспоминаниях перерабатывала опыт мобильной репрезентантки самодержавного режима. Какое место отводится империи и ее окраинам в ментальной карте мемуаристки? Как она описывает свою роль зрительницы и актора в сценариях царской власти? Автобиографические тексты наподобие текстов В. Духовской особенно подходят для реконструкции «имперских биографий». С их помощью можно проанализировать автообразы российской имперской элиты и осветить эмоциональное измерение имперского господства. Личные свидетельства женщин при этом особенно важны, так как здесь дискурсивные границы автобиографического письма проходят иначе, чем у мужчин. Источники такого рода открывают взгляд на чувственный спектр имперского господства, который, возможно, не был сугубо женским, но о котором на основе традиций мужского автобиографического письма мы знаем еще очень мало.

Ключевые слова: история империй, имперское пространство, имперская биография, автобиография, социальная коммуникация, ментальная карта.

The article focuses on the autobiographical writings of the Russian noblewoman Varvara Dukhovskaia (born Golitsyna) (1854—1931), whose memories are analysed as source material of a cultural history of the late Russian Empire. As the wife of Sergei M. Dukhovskoi, a high-rank dignitary of the Tsarist regime, who — among other offices — served as governor-general in the Amur province and in Russian Turkestan, Dukhovskaia was part of the mobile imperial elite who got in close contact with the cultural, geographical and political diversity of the Tsarist realm in the last decades of the 19th century. How, the article queries, did Dukhovskaia reflect in her memories the experience of the nomadic life, the representatives of the autocratic regime had to lead? Where did she locate Russia and the empire’s peripheries on her mental maps? How did she describe her own role as female spectator and actor on the stage of Russia’s “scenarios of power”? Autobiographies, like those of V. Dukhovskaia are of great value for the writing of “imperial biographies”. They help analysing both self-images of the imperial elite and the emotional dimension of imperial rule. Ego-documents texts written by women stand out in particular, since its discursive boundaries differ to autobiographical texts written by men. With the help of sources of this kind, the article argues, we can better understand the spectrum of emotions of imperial rule, shared both by men and women, a reality of imperial history we have been knowing about so little, because of the restraints of male autobiographical writing.

Keywords: imperial history, imperial space, imperial biography, autobiography, social communication, mental map.

¹ Эта статья базируется на конкурсном докладе в Базельском университете 8.03.2010 и была опубликована на немецком языке в 2013 г. [1].

Биографический поворот, автобиографистика и история империй

С начала 1990-х гг. парадигма истории империй прочно закрепилась в историографии Восточной Европы. С тех пор история Российской империи также не может больше рассматриваться без учета ее имперского измерения, т. е. сложного соотношения и сосуществования различных этнических и социальных групп, а также господства имперской «метрополии» над обширными территориями имперской «периферии»¹. Если раньше сравнительная история империй долгое время занималась прежде всего изучением структур и практик господства над протяженными пространствами полиэтнических империй, то с недавних пор в этой исследовательской сфере можно наблюдать усиленный интерес к вопросам опыта и восприятия имперских пространств, а также к истории индивидуальных проектов жизни и идентичности². Юрген Остерхаммель в статье 2006 г. предрекал, что «...следующим “поворотом” в историографии империй будет “биографический поворот”» [4, S 62].

Следующие размышления задуманы как вклад в дискуссию по поводу расширяющегося исследовательского поля имперской (авто)биографистики в поздней Российской империи³. В центре внимания находятся автобиографические тексты Варвары Федоровны Духовской (урожденной Голицыной, 1854—1931), представительницы русской аристократии, которая в 1900 г. опубликовала в С.-Петербурге свои объемные воспоминания [6]. Хотя воспоминания Духовской еще в 1911 г. были переведены на французский, а в 1917 г. увидели свет в Лондоне на английском языке [7; 45], этот захватывающий источниковый материал до сих пор использовался историками лишь как «залежи фактов» для прояснения конкретных исторических ситуаций. Ни автобиографистика, ни женская история поздней Российской империи до сих пор не удостоили вниманием личные свидетельства этой представительницы российской аристократии в качестве самостоятельного источника для изучения автобиографического конструирования смыслов. Наряду с ее мемуарами имеются опубликованные воспоминания Духовской о событиях ее жизни во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. [8] (Переиздание из отдельной публикации под названием Из дневника русской женщины в Эзеруме во время военного занятия его в 1878 году». — СПб., 1879), а также ее «Туркестанские воспоминания» 1913 г., в которых она переработала свои воспоминания за 1898—1900 гг., которые она провела в Ташкенте в качестве супруги российского генерал-губернатора [9]. Эти источники составляют основу для последующего изложения.

Почему из перспективы истории империй представляется заслуживающим внимания занятие

имперскими биографиями или личными свидетельствами людей с «имперской биографией»?⁴ Прежде всего, нужно выяснить, как целесообразно определить термин «имперская биография». Ведь в конце концов, понимая его широко, можно описать жизнь любого человека, жившего в империи, как «имперскую биографию»⁵. Если же определять это понятие более узко, то в поле зрения попадают те люди, которые принадлежали к пересекающим границы географически мобильным группам и на протяжении своей жизни воспринимали, переживали и формировали полиэтническую империю в ее географическом и культурном многообразии⁶. К ним следует отнести, например, путешественников и исследователей, которые на ограниченное время покидали метрополию, чтобы изучать земли и людей на периферии империи. Жизненные пути беженцев, мигрантов, колонистов, арестантов, которые покидали родные места и надолго переселялись в другие пункты империи, также могут быть описаны как «имперские биографии». Наконец, это относится и к представителям административного и военного правящего слоя этих государств, которые в качестве представителей «центра» на ограниченный срок направлялись в «периферию» империи, чтобы затем вернуться в столицу или продолжить службу в другой колонии или украинном регионе.

В качестве супруги высокопоставленного сановника царской империи Варвару Духовскую следует причислить к последней из названных групп. Вместе со своим супругом Сергеем Михайловичем Духовским (1838—1901), который с 1893 по 1898 занимал должность генерал-губернатора Амурской области в Хабаровске, а в 1898 был в той же должности направлен в Туркестан, она принадлежала к мобильной российской правящей элите. Высшие чиновники и офицеры, которые вместе со своими семьями периодически перемещались из одного региона в другой, укрепляли господство императора на периферии, обеспечивали информационные потоки в центр и способствовали межрегиональным обменам имперскими практиками господства. Члены этого господствующего слоя, чьи жизненные пути пространственно охватывали Российскую империю, создавали своего рода личностный хребет имперской системы власти. И все же, несмотря на значение этой группы, мы знаем о ее представителях и представительницах, об их опыте и восприятии империи удивительно мало. Это особенно касается жен служащих и старших офицеров, которые сопровождали своих мужей во время служебных «путешествий», брали на себя репрезентативные функции и тем самым

⁴ Первым для немецкоязычного исследования Восточной Европы термин «имперская биография» в качестве эвристической категории ввел в оборот Мартин Ауст (Мюнхен) [10].

⁵ О двойном значении понятия «биография» как, во-первых, «событий индивидуальной жизни» и, во-вторых, «медиальной репрезентации такой жизни» см., напр.: [11]

⁶ О пересекающих границы в полиэтнических империях см.: [12, S. 5].

¹ По истории империй см. [2; 30—33].

² По истории империй в целом см. [3] О российском случае в качестве примера см. [34], а также следующие конкретно-исторические исследования: [35; 36]. См. в качестве наиболее актуального [37; 38].

³ Об истории русской автобиографистики в первую очередь см. [5; 39; 40, с. 36—42; 41—44].

участвовали в формировании империи и формировались ею.

Как, согласно автобиографическим источникам, воспринимали члены этого господствующего слоя царскую империю в ее территориальной величине, культурном многообразии и политическом строении? Как им виделось место России в мире? Как они описывали социальные и этнические различия в своей стране? И, наконец, как они определяли собственные позиции внутри российской конфигурации власти и какое значение придавалось концепту имперской идентичности относительно других идентификационных предложений — национальных, региональных, конфессиональных, социальных или половых? На вопросы такого рода, которые нацелены на то, чтобы лучше понять империю как представление и пространство опыта ее обитателей и обительниц, способствовать нашему пониманию автообразов и самоописаний, а также эффективности имперских государств, можно ответить, например, с помощью автобиографий¹. То, что источники такого типа едва ли пригодны для того, чтобы изобразить «аутентичную» картину исторического положения дел или показать, какой была империя «на самом деле», давно доказано соответствующими исследованиями об автобиографических текстах как историческом источнике². Если же нас интересуют репрезентации этой «действительности» и — как в нашем случае — вопросы об империи как пережитой, помысленной и воображаемой реальности, то личные свидетельства приобретают источниковую ценность, которую трудно переоценить³. При анализе «опыта» речь может идти не столько об обнажении «аутентичных», индивидуальных образцов восприятия. В большей степени следует все время помнить о структурировании индивидуального восприятия общественными дискурсами и рассматривать сам мемуарный текст как попытку ретроспективно приписать значение или придать смысл лично пережитому и вписать себя в специфический групповой дискурс памяти и идентичности [16; 46, S. 31—74; 48]. Насколько полезным может быть чтение автобиографических заметок и использование их для истории империй, будет показано ниже на примере мемуаров Варвары Духовской, после краткого изложения ее важнейших жизненных этапов.

Варвара Духовская — биографический очерк

Варвара Федоровна Голицына родилась в 1854 г. близ Харькова⁴. Будучи отпрыском одного из важнейших дворянских родов, она провела детство в

соответствии со всеми сословными привилегиями⁵. Она воспитывалась частными учителями, а также английской и французской гувернантками и еще в юности совершала далекие путешествия по России и в Западную Европу. Достаточно взглянуть на генеалогическое древо и социальное окружение юной княжны Голицыной, в которых есть имена великорусских, балтийско-немецких и польско-украинских дворянских семей, чтобы убедиться в полиэтническом характере этой, лишь социально однородной имперской элиты. Уже девушкой Варвара Федоровна регулярно отправлялась в столицу империи

С.-Петербург, манящийся дворянскими балами и насыщенной культурной жизнью. В 17 лет она была введена в дворянское общество и встречалась на придворном балу с императором Александром II. Во время пребывания в Тифлисе летом 1875 г. 21-летняя княжна познакомилась с Сергеем Духовским, молодым генералом, который служил в штабе командующего царскими войсками на Кавказе⁷. Духовской участвовал в усмирении кавказских горцев в 1860-е гг., и его ожидала, казалось, блестящая карьера. Они поженились в апреле 1876 г. Духовская будет сопровождать мужа по всем этапам его профессиональной деятельности.

Вскоре после свадьбы Духовской был откомандирован в Тифлис и назначен командующим русских войск на границе с Османской империей на Кавказе. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он руководил многочисленными военными операциями в восточной Анатолии. В начале 1878 г. он был назначен временным генерал-губернатором турецкого города Эзерума (Эрзурума), куда за ним вскоре последовала супруга. Следующий шаг в карьере привел обоих в 1879 г. в Москву, где Духовской в течение 15 лет исполнял должность начальника штаба Московского военного округа. В эти годы Духовская интегрировалась в московское дворянское общество и предприняла протяженные путешествия по Европе, а также в Египет и Константинополь. В 1893 г. ее муж был назначен генерал-губернатором Амурской области. До своего нового места жительства в провинциальной столице Хабаровске Духовские добрались после четырехмесячного путешествия через Атлантику и США. В должности генерал-губернатора Духовской был личным представителем царя в имперской периферии⁸. Он был главой войск России в самой восточной провинции России, наблюдал за строительством инфраструктуры, мест заключения, а также за притоком крестьянских поселенцев из европейской России⁹.

¹ Систематическому изучению категорий и языка имперского самоописания в Российской империи особенно способствуют издатели издающегося в Казани журнала «Ab Imperio». См.: [13, особенно Р. 3—33].

² См., напр. [14; 46—47], а также [48].

³ О концепте «опыт» (experience) см.: [15; 49; 50].

⁴ Исключением является статья о Духовской в справочнике «Русские писатели. 1800—1917» [17, с. 201]. О биографии Духовской, помимо ее автобиографических трудов, почти нет литературы. Поэтому реконструкция важнейших этапов ее жизни основывается здесь прежде всего на ее собственных рассказах в автобиографических текстах.

⁵ О генеалогии Голицыных см.: [18].

⁶ Варвара Федоровна Духовская родилась 22 января 1854 г. в семье Федора Григорьевича Голицына (1819—1887), предводителя дворянства в Харькове, и его второй жены Евдокии Ивановны Зарудной (1832—1920) в имени Голицыных близ Харькова.

⁷ О личности и биографии С. М. Духовского см. [19; 51, Р. 59; 52, Р. 100—101, 133; 53, Р. 69, 151; 54, с. 430—431; 55, с. 82—84, 234—243 см. библиографию там же].

⁸ О службе генерал-губернатора в поздней российской империи см.: [20; 56].

⁹ Во время своего шестилетнего пребывания на Дальнем Востоке Духовские предпринимали многочисленные

Хотя она не занимала официальной должности, В. Ф. Духовская воспринималась и принималась местным обществом как представительница российской императрицы. Как и императрица в далеком С.-Петербурге, супруга генерал-губернатора решала прежде всего репрезентативные задачи. Возглавляя «Комитет женщин-благотворительниц», она, подобно многим своим коллегам, активно работала в социальной сфере¹.

После шести лет службы Сергей Духовской в 1898 г. получил приказ отправиться в Ташкент в качестве генерал-губернатора Туркестана. Это был третий после Кавказа и Дальнего Востока имперский окраинный регион, в котором он служил царю. Варвара Духовская вновь взяла на себя роль местной социально ангажированной «первой леди» и приступила к записи своих воспоминаний. На протяжении двух лет жизни в Ташкенте Духовские тоже много путешествовали. Только в 1898 г. Духовская четыре раза преодолела расстояние более 4000 км между Ташкентом и С.-Петербургом². После посещения Всемирной выставки в Париже и лечения в Бад Киссингере Духовской в декабре 1900 по состоянию здоровья подал прошение об отставке и отправился с женой в С.-Петербург, где вскоре, 1 марта 1901 г., он скончался в возрасте 62 лет. Эта дата маркирует также конец автобиографических записей Духовской. О дальнейшем жизненном пути автора известно мало. Мы знаем только, что она пережила революцию 1917 г. и умерла в Ленинграде в 1931 г. в 77 лет.

Автобиографическое письмо как акт социальной коммуникации

Даже этот краткий очерк жизни объясняет, почему Варвара Духовская особенно хорошо подходит для конкретного исследования имперских биографий или имперской автобиографистики в поздней Российской империи. Во-первых, она принадлежала к мобильной российской правящей элите, которая направлялась правительством из одного региона в другой и поэтому соприкасалась с географическим и культурным многообразием империи, как никто другой. Во-вторых, Духовская, будучи представительницей аристократии, материально могла себе позволить многочисленные заграничные поездки и тем самым могла сравнивать политические и социальные отношения в своей стране и в других странах и империях. В-третьих, представляется особенно выгодным заняться биографией и личными свидетельствами именно Духовской, а не ее мужа. В соответствии с концепцией ролей и полов того путешествия. Так, в 1895 г. по пути в С.-Петербург они посетили Японию, Шанхай, Гонконг, Яву и Сингапур.

¹ Увлеченность супруга генерал-губернатора в роде Духовской благотворительностью можно интерпретировать как попытку имитации ролевого образца русских императриц, которые, начиная с царствования Марии Федоровны (1759—1828) отличались социальной активностью. См. [21; 57, особенно р. 569]. Согласно Линденмейер, основание благотворительного объединения было «для жен высокопоставленных лиц практической частью должностных обязанностей» [57, Р. 570].

² Свои путешествия Духовская подробно описала в «Туркестанских воспоминаниях».

времени Духовская следовала за мужем на всех этапах его карьеры, но сама не имела возможности профессионально самореализоваться³. Однако ее положение женщины в гуще элиты российского общества открывало ей возможность заняться наблюдением своего жизненного мира и жизненного мира супруга. В то время как Сергей Духовской занимался многочисленными служебными обязанностями, его супруга много времени уделяла чтению и с юности регулярно вела дневник⁴. Позднее эти записи образовали основу для ее автобиографии, над русским изданием которой она работала больше всего в конце 1890-х гг. и которую сегодня можно использовать как ценный источник для исследования империй.

Мы не знаем, что побудило Духовскую опубликовать свои воспоминания. В предисловии автор упоминает, что выручка от продажи книги пойдет на женскую гимназию в Ташкенте [6, форзац]. Иначе, чем в начале XIX в., на рубеже XIX—XX вв. публикация женской автобиографии не являлась в России нарушением табу⁵. В противоположность другим мемуаристкам того времени, которые в опубликованных воспоминаниях и дневниках критиковали традиционные образы гендерных ролей — достаточно вспомнить, например, Марию Башкирцеву, Елизавету Дьяконову или Анастасию Вербицкую, — воспоминания Духовской читаются почти как апология патриархального гендерного порядка⁶. В отличие от современниц Духовская подчинилась общественно признанной роли преданной мужу заботливой жены и хранительницы семейного очага. Духовская не стремилась ни изучать медицину в Швейцарии, ни просвещать русских крестьян, ни работать в конспиративных кружках на свержение самодержавия, ни ставить под вопрос стародавние образы женственности в России⁷. Тот факт, что Духовская поставила точку в своих автобиографических воспоминаниях на моменте отставки мужа (в английском переводе — на его смерти), указывает на то, что она рассматривала свой текст как попытку дать самой себе отчет о собственной «имперской

³ Хотя в последней трети XIX в. российские женщины все больше вторгались в традиционные «мужские профессии» и в растущем числе занимали низшие канцелярские должности, карьера в государственных органах с 1871 г. была для них запрещена законом [21, р. 112].

⁴ О дневнике как культурной технике в России XVIII и раннем XIX в. см., напр.: [22; 58].

⁵ До середины XIX в. женские автобиографические тексты писались в России почти исключительно для семейного круга. В ходе дискуссии о женском вопросе и подъема «женской литературы» второй половины XIX в. публикация женских дневников и других автобиографических текстов получила растущее общественное признание [23].

⁶ О публикации дневников и других автобиографических текстов Марии Башкирцевой, Елизаветы Дьяконовой, Анастасии Вербицкой и их роли в изменениях женского образа в России на рубеже веков см.: [21, Р. 115—116, 123—124. 23, Р. 41—46; 24; 59, особенно Р. 101].

⁷ Наверное, поэтому личные свидетельства Духовской и других консервативно настроенных представительниц имперской элиты не вызвали интереса ни в женской историографии, ни в исследованиях автобиографий.

биографии», которая теснейшим образом переплеталась с профессиональной карьерой Сергея Духовского. В то время как русские тексты адресовались, очевидно, скорее политически консервативной читающей публике, английский перевод был обращен к более широкой зарубежной общественности¹. Прежде всего русское издание следует понимать как коммуникативный акт, как попытку вписаться в дискурс об имперской идентичности того времени и, будучи женой высокопоставленного сановника, подчеркнуть свою принадлежность к государственной элите полиэтнической империи².

При анализе образцов восприятия и опыта в Российской империи, какими они получили отражение в автобиографических трудах Духовской, следует делать два шага. Первый из них отражен в следующем параграфе, посвященном пространственному восприятию империи, так называемым «ментальным картам» (Mental Maps) автора³. Затем будет показано, как она изобразила самодержавную систему господства, ее «сценарии власти» (Scenarios of Power) и собственную роль внутри имперской системы власти⁴.

Автобиографическое письмо и ментальное картографирование

Вопрос о том, как в пространственном измерении изображала для себя «Россию» представительница мобильной правящей элиты царской империи Варвара Духовская, представляется для исследования империй особенно важным. В какой степени она описывала страну как пространственную целостность? К каким более крупным культурным пространствам причисляла она Россию? И, наконец, какую роль играли внутренние границы и пространственные иерархии в ее территориальных представлениях? У Духовской было точное представление о России как взаимосвязанном пространстве господства и о ее месте на политической карте ее времени. В своих записях она называет свою страну «обширной Российской империей» или «великой матушкой-Россией», внешние границы которой она во время своих путешествий каждый раз воспринимала как «нашу границу». В качестве опознавательных знаков присутствия на «своей» территории ей служили, с одной стороны, такие оптические впечатления, как, например, униформа персонала на пограничных вокзалах. С другой стороны, ощущение пребывания «у нас дома» ей давало звучание русского языка [6, с. 153]. Так, она с удовлетворением узнала, что на улицах Карса, города на Черном море, в 1878 г.,

¹ Объяснение преданного режиму публициста и литератора Константина Ключевского, который в предисловии к русскому и английского издания отметил, что текст первоначально не был предназначен для публикации, может быть расценено как попытка сделать записки как «частное» свидетельство еще более интересными для потенциальных читателей и читательниц. При публикации английского издания в 1917 г. мог играть роль также антиреволюционный настрой.

² Об интерпретации автобиографического текста как акта социальной коммуникации см.: [46, S. 442, 453].

³ О концепте „Mental Maps“ см., напр.: [25].

⁴ О «сценариях власти» в российском императорском доме в XVIII и XIX вв. см.: [26].

вскоре после его завоевания российской армией, уже можно было услышать «нашу речь», а солдаты бухарского эмира на военном параде в конце 1890-х гг. отвечали на приказы по-русски [45, P. 312]. Это позволяет предположить, что «Россия» имела для Духовской двойное значение: с одной стороны, она подразумевает территориально обширную и пеструю империю, с другой — русскую страну, т. е. национальное пространство. То, что эти концепции нелегко было соединить, вселяло в автора растущую неуверенность. Ее, например, смутило, что на конкурсе красоты в Чикаго Россию представляла польская еврейка или что в Гельсингфорсе капитан отказался говорить с нею по-русски [9, с. 13; 45, P. 131;].

Как и большинство представителей российской элиты, Духовская рассматривала свою страну и ее жителей как часть Европы. Она возмущалась, когда в западных газетах читала сообщения с родины в рубрике «Вести из Азии» или ей говорили, что она выглядит не как «русская», а как настоящая «европейка» [6, с. 313—314, 323; 45, P. 269]. Ее идентификация себя как европейки была выражением состояния духа, которое Мартин Малиа описал как «аристократический интернационализм»⁵ [34]. Духовская чувствовала себя как дома в грандотелях Парижа, Биаррица и Лондона в такой же степени, как и в С.-Петербурге и непринужденно вращалась в общественных кругах, в которых сословная принадлежность была важнее национального происхождения. Ее убеждение, что Россия является частью Европы, было производным из восприятия себя либеральной и просвещенной европейской дамой. Ее описания мусульманок в Эзеруме, Константинополе или Египте читаются как трактаты западного ориентализма. В то время как турецкие женщины в гаремах, в ее понимании, жили тупо, скучно и сумеречно, без чтения и литературной деятельности, она могла свободно и открыто появляться на публике, будучи замужем общаться с другими мужчинами и самореализоваться в литературе [27, p. 38]. Мысль о том, что она сама в своем обществе находилась в дискриминированном положении, его, напротив, не обсуждалась. Впрочем, образ России Духовской как европейской и цивилизованной страны благодаря ее личному опыту вновь и вновь подвергался испытаниям. Она подробно описывает, например, как она стыдилась поведения пьяных русских матросов за границей, или что в Туркестане мусульманки были для нее еще более «ориентальными», чем в Турции [45, P. 105].

Для Духовской Кавказ, Дальний Восток или Туркестан были, само собой разумеется, областями российского господства. Одновременно ее описания окраин позволяют понять, что она весьма условно чувствовала себя там как «в своей стране». Когда она ехала из Тифлиса, Ташкента или Хабаровска в Одессу, Москву или С.-Петербург, то ехала она «в Россию» [6, с. 251, 323; 45, P. 231, 498]. Поэтому чувство отчуждения проявлялось у нее в различных окраинных регионах с различной интенсивностью,

⁵ «Когда же нас будут считать за европейцев!» — возмущалась она [6, с. 168; 45, P. 168, 202].

что указывает на иерархическую градацию периферийных областей на когнитивной карте автора. Если воображаемое расстояние между «Россией» и Кавказом казалось ей относительно коротким, то Туркестан и Дальний Восток представлялись ей областями, лежащими несравненно дальше от ее родины. Так, свое путешествие в Хабаровск она сравнивает с путешествием на Луну [6, с. 59, 446—447, 570]. Восприятие Духовской расстояния между различными окраинами и «Россией» существенно зависело от прочности связи периферии с ее родиной. Например, в Хабаровске, где она иногда по шесть месяцев ожидала письма из С.-Петербурга, а столичные газеты приходили устаревшими на два месяца, она чувствовала себя, как в «ссылке» [45, Р. 313]. Ташкент, который в 1898 г. можно было достичь из Петербурга уже за 11 дней, напротив, казался лежащим почти в непосредственной близости. Ощущение Духовской себя в «своей стране» зависело, очевидно, от того, находила ли она на окраине социальную структуру, напоминавшую русскую. В то время как в Тифлисе или Бухаре существование феодального правящего слоя рождало у нее ощущение родного, жизнь на Дальнем Востоке, в ситуации фронта, среди русских казаков, колонистов и арестантов она изображала с чрезвычайным отчуждением [45, Р. 364]. Наконец, влияли на пространственное восприятие мемуаристки также культурные факторы и политическое развитие. Так, она была обрадована притоку русских колонистов в область Хабаровска, а мусульманские восстания в Туркестане в конце 1890-х гг. она воспринимала как личную опасность [6, с. 453].

Духовская безусловно чувствовала культурное и социальное многообразие своей страны. Она отмечала полиэтничный характер российской армии и рассматривала в качестве объекта цивилизаторской миссии народы Дальнего Востока и Туркестана, описанные ею как «дикие» и «варварские» [9, с. 16, 37]. Однако схожесть в ее описаниях так называемых «примитивных» народов с русскими рабочими и солдатами указывает на то, что для нее социальные идентификационные образцы имели большее значение, чем национальные. Интересно, что Духовская рассматривала цивилизационную миссию российской элиты на удивление бесстрастно. И культурный подъем кочевых племен в Амурской области, и военное подавление восставших мусульман в Туркестане она открыто изображает как задачу своего мужа. «Мужу предстоит тяжелая задача укротить этих дикарей», — так комментирует она обычаи и нравы аборигенов Дальнего Востока¹ [6, 469; 45, Р. 381]. После мусульманского бунта в Андижане в мае 1898 г. она записывает в свой дневник: «Мужу придется принять самые энергичные меры для прекращения смуты»² [9, 5; 45, Р. 488]. Себя в этом колониальном проекте урегулирования Духовская рассматривала прежде всего как наблюдательницу выполнявшегося ее мужем имперского проекта.

¹ Выделено мной — Ф. Б. Ш.

² Выделено мной — Ф. Б. Ш.

Александр Мотыль сравнил пространственную структуру имперских государств с колесом, ступицу которого образовывали метрополии, а спицы — окраины или колонии [28]. В несколько иной форме описывает этот образ и представления Духовской о пространственной внутренней структуре ее страны. Несмотря на различную удаленность от центра и специфическое региональное развитие Кавказ, Дальний Восток и Туркестан всегда оставались для Духовской частью имперской периферии. Метрополия, центром которой был город С.-Петербург, в ее восприятии со всей определенностью отличался от них. Столица с ее западным обликом и пульсирующей общественной жизнью в описаниях Духовской выглядит пространственным центром притяжения и одновременно метонимией России как цивилизованной европейской страны. В принципе только там Духовская чувствовала себя как дома и всю свою жизнь стремилась вернуться туда. В ее воспоминании о годах в Хабаровске стоят записи, очевидно цитирующие ее дневник: «Как пойманная птица я стремлюсь улететь туда. Я мечтаю только вернуться в Петербург». В другом месте она отмечает: «Питер. Но как он далек!» [6, с. 467].

Определение своего места в сценариях власти

Не в последнюю очередь Духовская рассматривала С.-Петербург в качестве символического центра Российской империи из-за его роли царской резиденции. Позволим себе перейти ко второй части анализа, в которой следует осветить отражение восприятия в автобиографии Духовской имперского господства и опыта собственной роли в структуре власти царской империи. С введением в общество — ритуалом инициации, которому мемуаристка посвятила отдельную главу своих воспоминаний, юной княжне была приписана особая роль в инсценировании имперского господства. Дебютантка придворного царского бала или, позднее, супруга начальника штаба Московского военного округа — она была частью той социальной группы, которая заполняла зрительские трибуны на спектаклях, инсценирующих имперскую власть. Благодаря эпохальному произведению Ричарда Уортмана о «сценариях власти» российских императоров мы хорошо информированы о производстве образов и ритуалов имперского господства в поздней Российской империи [26]. Заглянув в воспоминания Духовской, можно убедиться, что спектакль власти доходил до своих зрителей и вызывал у них желательный эффект эмоциональной привязанности к правящему дому. Моменты встречи с членами императорской фамилии были звездными часами в биографии Духовской. Во время празднований, связанных с коронацией Александра III в мае 1883 г. она сидела среди зрителей, вместе со всеми кричала «ура» и была тронута зрелищем до слез [6, с. 147; 45, Р. 151]. Она праздновала дни ангела и дни рождения членов династии и со страхом и большим участием отмечала в конце 1870-х гг. опасность террора для жизни и здоровья царя. По всей видимости, Духовская пользовалась ролью зрительницы на почетной трибуне власти. Очевидно, существенная часть ее эмоциональной привязанности к России как

империи вытекала именно из этого контекста.

Дело приняло совсем другой оборот, когда назначение ее супруга генерал-губернатором Амурской области переместило Духовскую из зрительских ярусов на сцену имперского инсценирования власти. В своей автобиографии она описывает назначение супруга в 1893 г. как шок, который вызвал у нее глубокий страх [6, с. 392; 45, Р. 313—314]. Что он был не обоснован, она узнала немного позже, во время путешествия в Хабаровск, когда русские анархисты-эмигранты в Нью-Йорке угрожали расправиться с ней и ее мужем [45, Р. 328; 60, р. 5; 65, р. 1]. Духовские были вынуждены бежать из Нью-Йорка и путешествовать инкогнито по тихоокеанскому побережью Америки. А на их новой родине Духовскую ожидали неудобства иного рода. Начиная с момента прибытия во Владивосток и позднее в Хабаровске она как настоящую «пытку» испытывала назойливое внимание зевак [6, с. 458, 474; 45, Р. 363, 369, 380].

На Дальнем Востоке, как и позднее в Ташкенте, к Духовской относились, по ее словам, как к королеве. Она жила во дворцах, располагала большим штатом прислуги и принималась во время своих путешествий с большой помпой. Хотя она умела ценить эти привилегии, в целом она воспринимала свою жизнь как золотую клетку, как физическую и психическую муку. В Хабаровске и Ташкенте она страдала от депрессии, апатии и бессонницы и вскоре обратилась за медицинской помощью. Врачи диагностировали у нее расстройство нервной системы, но не смогли ей помочь. Духовская, которая в молодости наслаждалась бурлящей жизнью петербургских дворянских балов, возненавидела публичные встречи, извинялась и уходила во время приемов и пряталась в железнодорожном вагоне путешественницы. Духовская, образно говоря, страдала от своей имперской биографии. Перемещаясь в границах своей страны, она чувствовала себя на окраинах империи чужой и отрезанной от света. «Светом» для нее была цивилизованная, шикарная Европа, грандотели Ниццы, Биаррица и Женева, но прежде всего — желанный С.-Петербург. Духовская была женщиной с имперской биографией, которая ее, однако, все более тяготила. Когда ее мужа в 1898 г. направили в Ташкент, она записала в дневнике: «Я так устала быть перелетной птицей... я могла бы закричать — так мне хочется покоя от постоянных поездок» [6, с. 599; 45, Р. 487]. С отставкой супруга и переездом в С.-Петербург ее кочевая жизнь на время закончилась.

Личные свидетельства

как источники имперского самоописания

Почему, следует в завершение спросить, стоит ли разговорить личные свидетельства имперских субъектов в качестве источников по истории империй? Учитывая сформулированные здесь наблюдения, важными представляются три пункта. Во-первых, изучение людей, которые в своей жизни узнали многонациональную империю во всем ее географическом и культурном разнообразии, позволяет паноптически взглянуть на пространственные структуры империй и на их восприятие. Через линзу

индивидуальных биографий и автобиографических текстов можно сразу обозреть имперский центр и различные окраины и проанализировать восприятие отношений между этими пространственными единицами [3]. Это делает возможным узнать о восприятии территориального единства, о включении воображаемых пространств в более крупные формации, о взгляде на внутренние границы и пространственные иерархии. Следующим шагом было бы сравнение описанных здесь образов пространства с пространственными образами людей иного социального и культурного происхождения и жителей других полиэтнических империй¹. Взгляд на имперских субъектов и на их личные свидетельства позволил бы, во-вторых, исследовать усвоение имперских идеологий и задаться вопросом о воздействии инсценирования имперской власти. Для контекста Российской империи становится, например, ясно, что Духовская усвоила центральный образец толкования западного ориентализма, но цивилизационную миссию собственной страны рассматривала лишь как часть *мужского* имперского проекта. Кроме того, обнаруживается, что на мир представлений мемуаристки уже наложил отпечаток национальный образ мыслей, который сложно было согласовать с ее восприятием России как многонациональной империи и наднациональным сословным сознанием. Показательным кажется, наконец, что восприятие официальных сценариев власти содействовало ее эмоциональной привязанности к стране и правящей династии, но активное участие в этих инсценировках вызывало у нее страх. В-третьих, именно последний из перечисленных аспектов отчетливо показывает, что личные свидетельства имперских субъектов представляют собой бесценный источник, если мы хотим что-то узнать о субъективном восприятии имперского господства и при этом задаемся вопросом не только о перспективе угнетенных, но и имперской элиты. Это особенно касается текстов женщин, которые согласно господствовавшей тогда и в Российской империи концепции неравенства полов считались «чувствительными» существами и могли в автобиографических текстах выразить больший спектр чувств, чем мужчины². В то время

¹ Эффективным кажется также сравнить автобиографические тексты Духовской с текстами других жен высших сановников Российской империи или других империй. О пересечении женской и имперской истории на материале Британской империи см. [28]. В качестве примера конкретного исследования частной переписки «вице-королевы» Индии, Марии Керзон [61]. Сравнительное исследование личных свидетельств Духовской с автобиографическими текстами других российских губернаторских жен второй половины XIX в. запланировано в рамках коллективного проекта университетов Базеля и Мюнхена «Имперские субъекты. Автобиографические практики и исторические перемены в континентальных империях Романовых, Габсбургов и Османов».

² Вопрос о специфике автобиографии русских женщин остается в исследованиях спорным. Гендерные отличия личных свидетельств авторов-мужчин подчеркиваются Н. Пушкаревой [28]. Критику этого мнения см.: [23, р. 6; 62, Р. 243—267, особенно 250—251]. В защиту учета специфических гендерных контекстов („cultural embeddedness“) женского автобиографического письма

как в мемуарах выдающихся российских государственных деятелей вроде Сергея Витте и Дмитрия Милютина не найти описания эмоций, кроме мужской стойкости и патриотических чувств в отношении империи, дискурсивные границы женского автобиографического письма пролегли иначе. Духовская могла писать о переживании шока, о чувстве заброшенности на периферии империи или о своих страхах под направленными на нее взглядами на сцене имперской власти. О таком опыте имперской элиты, который, возможно, не был специфически «женским», мы пока почти ничего не знаем. Мы должны серьезно отнестись к этой части исторической реальности — не для пробуждения жалости к представительницам и представителям имперского режима, а для получения новых ответов на вопрос о границах имперского господства и имперской экспансии. Интересным и открытым остается вопрос, хватало ли в царской империи персонала, который на рубеже XIX — XX вв. физически и психологически был в состоянии еще долго нести на своих плечах груз имперского проекта.

Перевод И.В. Нарского

Литература и источники

1. Schenk, F. B. "Ich bin des Daseins eines Zugvogels müde". Imperial Raum und imperiale Herrschaft in der Autobiographie einer russischen Adelligen / F. B. Schenk // L'Homme. Europäische Zeitschrift fuer Feministische Geschichtswissenschaft. — 2012. — H. 2: Geschlechtergeschichte global ; Hg. von A. Hoefert, C. Opitz-Belakhal, C. Ulbrich. — S. 49—64.
2. Каппелер, А. Россия. Многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. — М., 2000.
3. Lambert, D. Introduction. Imperial Spaces, Imperial Subjects / D. Lambert, A. Lester // Item (Ed.), Colonial Lives across the British Empire. Imperial Career in the Long Nineteenth Century. — Cambridge, 2006. — P. 1—31.
4. Osterhammel, J. Imperien / J. Osterhammel // G. Budde (Hg.), Transnationale Geschichte. Goettingen, 2006. — S. 56—67.
5. Schmuecker, A. Anfaenge und erste Entwicklungen der Autobiographie in Russland (1760—1830) / A. Schmuecker // G. Niggel (Hg.), Die Autobiographie. Zu Form und Geschichte einer literarischen Gattung. Darmstadt, 1989. — S. 415—459.
6. Духовская, В. Ф. Из моих воспоминаний / В. Ф. Духовская. — СПб., 1900.
7. Duchovskaja, V. Quelques pages de ma vie / V. Duchovskaja. — St. Pétersbourg, 1911.
8. Духовская, В. Из дневника русской женщины в Эзере в 1878 году / В. Духовская // Русский вестник. — 1878. — № 8, 11. — С. 98—158.
9. Духовская, В. Ф. Туркестанские воспоминания / В. Ф. Духовская. — СПб., 1913.
10. "Imperiale und postimperiale Biographien im östlichen Europa in der Neuzeit" (Sommerakademie des Herder-Instituts Marburg, September 2009). URL: <http://www.herder-institut.de/startseite/struktur-und-aufgaben/sommerakademie/sommerakademie-2009.html> (просмотр: 2.2.2012).
11. Erll, A. Biographie und Gedächtnis / A. Erll // Handbuch Biographie. Hg. von C. — Klein : Stuttgart, 2009. — S. 79—86, 81.
12. Grenzgaenger in Vielvoelkerreichen: Grenzbeziehungen und -ueberschreitungen in Russland und Oesterreich-Ungarn (1840—1918). Hg. von M. Rolf, J. Happel, Zeitschrift fuer см. напр.: [63, p 26].
13. Geschichtswissenschaft. — 2011. — №. 29.
14. Gerasimov, I. (Hg.) Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire / I. Gerasimov u. a. — Leiden, 2009.
15. Guenther, D. «And now for something completely different». Prolegomena zur Autobiographik als Quelle der Geschichtswissenschaft / D. Guenther // Historische Zeitschrift. — 2001. — № 272. — S. 25—61.
16. Daniel, U. Erfahrung — (k)ein Thema der Geschichtstheorie? / U. Daniel // L'Homme. Z.F.G. — 2000. — №. 11. — H. 1. — S. 120—123;
17. Hartmann, E. Roupens Erinnerungen eines armenischen Revolutionärs (1921/1951) im transepochnen Dialog. Konzepte und Kategorien der Selbstzeugnis-Forschung zwischen Universalitaet und Partikularitaet / E. Hartmann, G. Jancke.
18. Духовская, В. Ф. // Русские писатели. 1800—1917 : справочник / В. Ф. Духовская. — Т. 2. — М., 1992.
19. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:178984> (просмотр: 19.7.2012).
20. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И.А. Эфрон. — Т. IX. — СПб., 1893. — С. 275.
21. Шумаков, С. Генерал-губернаторы / С. Шумаков // Политическая энциклопедия. — Т. 1 ; Л. З. Слонимский. — СПб., 1907. — С. 514—516.
22. Engel, B. A. Women in Russia. 1700—2000 / B. A. Engel. — Cambridge, 2004. — P. 41—42.
23. Gretchanaja, E. Russische Tagebuecher im ausgehenden 18. und fruehen 19. Jahrhundert / E. Gretchanaja, C. Viollet // J. Hellbeck, K. Heller (Hg.), Autobiographical Practices in Russia. S. 25—48.
24. Clyman, T. W. Introduction / T. W. Clyman, J. Vowles // Item (Ed.) Russia Through Women's Eyes. Autobiographies from Tsarist Russia. — New Haven, 1996. — P. 1—46
25. Engelstein, L. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia / L. Engelstein. — Ithaca, 1992. — P. 401—420;
26. Шенк, Ф. Б. Ментальные карты. Конструирование географического пространства в Европе от эпохи просвещения до наших дней / Ф. Б. Шенк // Новое Литературное Обозрение. — 2001. — №. 52. — С. 42—61.
27. Уортман, Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии ; в 2. т. / Р. С. Уортман. — М., 2004.
28. Malia, M. Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum / M. Malia. — Cambridge, 1999.
29. Buzard, J. Victorian Women and the Implication of Empire / J. Buzard // Victorian Studies. — 1993. — №. 36. — P. 443—453.
30. См.: Puškareva, N. Wege zur „weiblichen Schrift“ in Russland. Weibliche Autobiographien im spaeten 18. und fruehen 19. Jahrhundert / N. Puškareva // E. Cheauré, C. Heyder (Hg.), Russische Kultur und Gender Studies. — Berlin, 2002. — S. 457—476.
31. Lieven, D. Empire. The Russian Empire and Its Rivals / D. Lieven. London, 2000;
32. Imperial Rule / A. Miller, A. Rieber (Ed.). — Budapest, 2004.
33. Vulpius, R. Das Imperium als Thema der Russischen Geschichte / R. Vulpius. — Zeitenblicke. 2007. — №. 6. — S. 2 [24.12.2007]. URL: <http://www.zeitenblicke.de/2007/2/vulpius/index.html>;
34. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917) / под ред. М. Миллера, М. Ауста, Р. Вульпиус. — М., 2010.
35. Герасимов, Homo Imperii: поворот к биографии / И. В. Герасимов и др. // Ab Imperio. — 2009. № 1. — С. 11—21.
36. Khodarkovsky, M. The Return of Lieutenant Atarshchikov. Empire and Identity in Asiatic Russia / M. Khodark-

- ovsky // *Ab Imperio*. — 2009. № 1. — С. 149—164.
36. Bailey, S. C. M. A Biography in Motion: Chokhan Valikhanov and His Travels in Central Eurasia / S. C. M. Bailey // *Ab Imperio*. — 2009. № 1. — С. 165—190.
37. Khodarkovsky, M. Bitter Choices. Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus / M. Khodarkovsky. — Ithaca, 2011.
38. Norris, S. M. Russia's People of Empire. Life Stories from Eurasia. 1500 to the Present / S. M. Norris ; W. Sunderland (Ed.). Bloomington, 2012.
39. Тартаковский, А. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге / А. Тартаковский. — М., 1991.
40. Schmid U. Ichentwuerfe. Die russische Autobiographie zwischen Avvakum und Gercen / U. Schmid. — Zuerich, 2000.
41. Hellbeck, J. Russian Autobiographical Practice / J. Hellbeck // *Autobiographical Practices in Russia — Autobiographische Praktiken in Russland* ; K. Heller (Hg.). — Goettingen 2004. — S. 279—298;
42. Herzberg, J. Autobiographik als historische Quelle in «Ost» und «West» / J. Herzberg // *Vom Wir zum Ich. Individuum und Autobiographik im Zarenreich* ; C. Schmidt (Hg.). — Koeln, 2007. — S. 15—62.
43. Petersen, H.-C. Russische und sowjetische Biographik / H.-C. Petersen // *Handbuch Biographie. Methoden, Traditionen, Theorien* ; C. Klein (Hg.). — Stuttgart, 2009. — S. 313—320.
44. Jenseits des Kollektivismus. Biografik und Autobiografik in Russland und der Sowjetunion // *Archiv fuer Sozialgeschichte*. — 2009. — №. 49. — S. 643—656.
45. Doukhovskoy, B. The Diary of a Russian Lady / B. Doukhovskoy. — London, 1917.
46. Depkat, V. Autobiographie und die soziale Konstruktion von Wirklichkeit / V. Depkat // *Geschichte und Gesellschaft*. — 2003. — № 29. — S. 441—476.
47. Zum Stand und zu den Perspektiven der Autobiographieforschung in der Geschichtswissenschaft // *BIOS*. — 2010. — №. 23. — S. 170—187.
48. Ulbrich, C. Selbstzeugnis und Person. Transkulturelle Perspektiven / C. Ulbrich, H. Medick ; A. Schaser (Hg.). — Köln, 2012.
49. Canning, K. Problematische Dichotomien. Erfahrung zwischen Narrativitaet und Materialitaet / K. Canning // *Historische Anthropologie*. — 2002. — №. 10. — H. 2. — S. 163—182.
50. Chowaniec, U. Introduction. Mapping Concepts: «Experience» and Women's Writing in Poland and Russia / U. Chowaniec, K. Kurkijaervi, M. Rytkoenen // *Mapping Experience in Polish and Russian Women's Writing* M. Rytkoenen u. a. (Hg.). — Newcastle, 2010. — P. 1—29.
51. Stephan, J. J. The Russian Far East. A History / J. J. Stephan. — Stanford, 1994.
52. Brower, D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire / D. Brower. — London, 2003.
53. Morrison, A. Russian Rule in Samarkand. 1868—1910. A Comparison with British India / A. Morrison. — Oxford, 2008.
54. Федорченко, В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники : энциклопедия биографий / В. И. Федорченко. — Т. 1. — Красноярск ; М., 2000.
55. Азиатская Россия. Люди и структуры империи : сб. научн. ст. — Омск, 2005.
56. Маузолато, К. Генерал-губернаторства в Российской империи. От этнического к пространственному подходу / К. Маузолато // *Новая имперская история постсоветского пространства* / под ред. И. Герасимова и др. — Казань, 2004. — С. 427—458.
57. Lindenmeyr, A. Public Life, Private Virtues. Women in Russian Charity. 1762—1914 / A. Lindenmeyr // *Signs*. — 1993. — Vol. 18/3. — P. 562—592.
58. Paperno, I. What Can be Done with Diaries? / I. Paperno // *The Russian Review*. — 2004. — №. 63. — P. 561—573.
59. Zirin, M. „A Particle of Our Soul“: Pre-Revolutionary Autobiography by Russian Women Writers / M. Zirin // *A History of Women's Writing in Russia* A. M. Barker, J. M. Gheith (Ed.). — Cambridge, 2002. — P. 100—116.
60. Warning of a Nihilist Plot // *Chicago Daily Tribune*. — 1893. — № 6.7.
61. Thomas, N. J. Mary Curzon. „American Queen of India“ / N. J. Thomas // D. Lambert, A. Lester. *Colonial Lives... P. 285—308.*
62. Renner, A. Geschlecht und Biographie im Lebensbericht der Anna Bek / A. Renner // J. Herzberg, C. Schmidt (Hg.). *Vom Wir zum Ich...*
63. Smith, S. A Poetics of Women's Autobiographies. Marginality and the Fiction of Self-Representation / S. Smith. — Bloomington, 1987.
64. Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова и др. — Казань, 2004.
65. Prominent Russian Here // *The Washington Post*. — 1893 — № 4.7.
66. Russian Empire. Space, People, Power, 1700—1930 / J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev (Ed.). — Bloomington, 2007.

References

- Schenk F.B. „Ich bin des Daseins eines Zugvogels müde“. Imperialier Raum und imperiale Herrschaft in der Autobiographie einer russischen Adeligen. *L'Homme. Europaeische Zeitschrift fuer Feministische Geschichtswissenschaft*. 2012. H.2: Geschlechtergeschichte global / Hg. von A. Hoefert, C. Opitz-Belakhal, C. Ulbrich. S. 49 — 64.
- Kappeler A. *Russland als Vielvoelkerreich: Entstehung-Geschichte - Zerfall*. Muenchen, 1992 (2. Auflage 2008).
- Lambert D., Lester A. Introduction. Imperial Spaces, Imperial Subjects. Item (Ed.), *Colonial Lives across the British Empire. Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. Cambridge, 2006. P. 1—31.
- Osterhammel J. Imperien // G. Budde (Hg.), *Transnationale Geschichte*. Goettingen, 2006. S. 56—67, Zit. S. 62.
- Schmuecker A. Anfaenge und erste Entwicklungen der Autobiographie in Russland (1760—1830). G. Niggel (Hg.), *Die Autobiographie. Zu Form und Geschichte einer literarischen Gattung*. Darmstadt, 1989. S. 415—459.
- Varvara F. Duchovskaja, *Iz moikh vospominanij* [Aus meinen Erinnerungen]. SPb, 1900.
- Duchovskaja V. *Quelques pages de ma vie*. St. Pétersbourg, 1911; Doukhovskoy B. *The Diary of a Russian Lady*. London, 1917.
- Varvara F. Duchovskaja, *Iz dnevnika russkoj zhenščiny v Ézerume v 1878 godu* [Aus dem Tagebuch einer russischen Frau in Ezerum im Jahr 1878. *Russkij vestnik*. 1878. № 8, 11. C. 98 — 158].
- Varvara F. Duchovskaja, *Turkestanskija vospominanija* [Erinnerungen an Turkestan]. SPb, 1913 (*Mon séjour au Turkestan*. St. Pétersbourg, 1912 [1914]).
- «Imperiale und postimperiale Biographien im östlichen Europa in der Neuzeit» (Sommerakademie des Herder-Instituts Marburg, September 2009). <http://www.herder-institut.de/startseite/struktur-und-aufgaben/sommerakademie/sommerakademie-2009.html>, просмотр: 2.2.2012.
- Erl I. A. Biographie und Gedächtnis. *Handbuch Biographie*. Hg. von C. Klein. Stuttgart, 2009. S. 79—86, 81.
- Grenzgaenger in Vielvoelkerreichen: Grenzziehungen und -ueberschreitungen in Russland und Oesterreich-Un-*

- garn (1840—1918). Hg. von M. Rolf, J. Happel, *Zeitschrift fuer Geschichtswissenschaft*. 2011. No. 29. S. 5.
13. Gerasimov I. u.a. (Hg.) Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire. Leiden, 2009. P. 3—33.
14. Guenther D. «And now for something completely different». Prolegomena zur Autobiographik als Quelle der Geschichtswissenschaft. *Historische Zeitschrift*. 2001. No 272. S. 25—61.
15. Daniel U. Erfahrung — (k)ein Thema der Geschichtstheorie? *L'Homme. Z.F.G.* 2000. No. 11. H. 1. S. 120—123; Canning K. Problematische Dichotomien. Erfahrung zwischen Narrativitaet und Materialitaet. *Historische Anthropologie*. 2002. No. 10. H. 2. S. 163—182; Chowaniec U., Kurkijaervi K., Rytkoenen M. Introduction. Mapping Concepts: «Experience» and Women's Writing in Poland and Russia. M. Rytkönen u.a. (Hg.), *Mapping Experience in Polish and Russian Women's Writing*. Newcastle, 2010. P. 1—29.
16. Depkat V. Autobiographie...; Hartmann E., Jancke G. *Roupens Erinnerungen eines armenischen Revolutionärs (1921/1951) im transepochnen Dialog. Konzepte und Kategorien der Selbstzeugnis-Forschung zwischen Universalitaet und Partikularitaet*; Ulbrich C., Medick H., Schaser A. (Hg.) *Selbstzeugnis...* S. 31—74.
17. Russkie pisateli 1800—1917 [Russische Schriftsteller 1800—1917]. T. 2. M., 1992. P. 201
18. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/178984>, 19.7.2012.
19. *Enciklopedičeskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [Enzyklopädisches Wörterbuch F. A. Brockhaus und I. A. Efron]. Vol. IX. SPb., 1893. C. 275.
20. Šumakov S. General-gubernatory [Generalgouverneure] *Političeskaja enciklopedija* [Politische Enzyklopädie]. Vol. 1. SPb., 1907. P. 514—516.
21. Engel B.A. *Women in Russia. 1700—2000*. Cambridge, 2004. P. 41 — 42; Lindenmeyr A. Public Life, Private Virtues. Women in Russian Charity. 1762—1914. *Signs*. 1993. Vol. 18 / 3. P. 562—592. Nach Lindenmeyr war die Gründung eines Wohltätigkeitsvereins «virtually part of the job description for the wives of high officials». Ibid. P. 570.
22. Gretchanaja E., Viollet C. Russische Tagebuecher im ausgehenden 18. und fruehen 19. Jahrhundert. J. Hellbeck, K. Heller (Hg.), *Autobiographical Practices in Russia*. S. 25—48;
23. Clyman T.W., Vowles J. Introduction // Item (Ed.) *Russia Through Women's Eyes. Autobiographies from Tsarist Russia*. New Haven, 1996. P. 1—46;
24. Engelstein L. *The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca, 1992. P. 401—420;
25. Schenk F.B. Mental Maps. Die Konstruktion von geographischen Raemen in Europa seit der Aufklaerung. *Geschichte und Gesellschaft*. 2002. No. 28. S. 493—514.
26. Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. From Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, 2010.
27. Malia M. *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, 1999. P. 38.
28. Buzard J. Victorian Women and the Implication of Empire. *Victorian Studies*. 1993. No. 36. P. 443—453.
29. Puškareva N. Wege zur «weiblichen Schrift» in Russland. Weibliche Autobiographien im spaeten 18. und fruehen 19. Jahrhundert. E. Cheauré, C. Heyder (Hg.), *Russische Kultur und Gender Studies*. Berlin, 2002. S. 457—476;
30. Lieven D. *Empire. The Russian Empire and Its Rivals*. London, 2000; Ilya Gerasimov u.a. (Hg.) *Novaja Imperskaja Istorija Post-Sovetskogo Prostranstva* [Neue Imperien-Geschichte des postsowjetischen Raums] Kazan', 2004.
31. A. Miller, A. Rieber (Ed.), *Imperial Rule*. Budapest, 2004; J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev (Ed.), *Russian Empire. Space, People, Power, 1700—1930*. Bloomington, 2007;
32. Vulpius R. Das Imperium als Thema der Russischen Geschichte. *Zeitenblicke*. 2007. No. 6. S. 2 [24.12.2007], unter <http://www.zeitenblicke.de/2007/2/vulpius/index.html>.
33. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700—1917)* [Imperium inter pares: Die Bedeutung von Kulturtransfers in der Geschichte des Russlaendischen Reiches]. M., 2010.
34. Il'ja V. Gerasimov u.a., Homo Imperii: povorot k biografii [Homo Imperii Revisits the „biographical turn“] *Ab Imperio*. 2009. No. 1 P. 11—21.
35. Khodarkovsky M. The Return of Lieutenant Atarshchikov. Empire and Identity in Asiatic Russia. Ibid. C. 149—164;
36. Bailey S.C. M. A Biography in Motion: Chokhan Valikhanov and His Travels in Central Eurasia. Ibid. C. 165—190;
37. Khodarkovsky M., *Bitter Choices. Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus*. Ithaca, 2011;
38. S. M. Norris, W. Sunderland (Ed.), *Russia's People of Empire. Life Stories from Eurasia. 1500 to the Present*. Bloomington, 2012.
39. Andrej Tartakovskij, Russkaja memuaristika XVIII-pervoj poloviny XIX v. Ot rukopisi k knige [Russische Memuaristik vom 18. bis Mitte des 19. Jahrhunderts. Von der Handschrift zum Buch]. M., 1991.
40. Schmid U. *Ichentwuerfe. Die russische Autobiographie zwischen Avvakum und Gercen*. Zuerich, 2000. S. 36—42;
41. Hellbeck J. Russian Autobiographical Practice. Item, K. Heller (Hg.), *Autobiographical Practices in Russia — Autobiographische Praktiken in Russland*. Goettingen 2004. S. 279—298;
42. Herzberg J. Autobiographik als historische Quelle in «Ost» und «West». Item, C. Schmidt (Hg.), *Vom Wir zum Ich. Individuum und Autobiographik im Zarenreich*. Koeln, 2007. S. 15—62;
43. Petersen H.-C. Russische und sowjetische Biographik. C. Klein (Hg.) *Handbuch Biographie. Methoden, Traditionen, Theorien*. Stuttgart, 2009. S. 313—320;
44. Jenseits des Kollektivismus. Biografik und Autobiografik in Russland und der Sowjetunion. *Archiv fuer Sozialgeschichte*. 2009. No. 49. S. 643—656.
45. Doukhovskoy B. *The Diary of a Russian Lady*. London, 1917.
46. Depkat V. Autobiographie und die soziale Konstruktion von Wirklichkeit. *Geschichte und Gesellschaft*. 2003. No 29. S. 441—476;
47. Zum Stand und zu den Perspektiven der Autobiographieforschung in der Geschichtswissenschaft. *BIOS*. 2010. No. 23. S. 170—187;
48. Ulbrich C., Medick H., Schaser A. (Hg.) *Selbstzeugnis und Person. Transkulturelle Perspektiven*. Köln, 2012. S. 1—19.
49. Canning K. Problematische Dichotomien. Erfahrung zwischen Narrativitaet und Materialitaet // *Historische Anthropologie*. 2002. No. 10. H. 2. S. 163—182
50. Chowaniec U., Kurkijaervi K., Rytkoenen M. Introduction. Mapping Concepts: «Experience» and Women's Writing in Poland and Russia // M. Rytkönen u.a. (Hg.), *Mapping Experience in Polish and Russian Women's Writing*. Newcastle, 2010. P. 1—29.
51. Stephan J.J. *The Russian Far East. A History*. Stanford, 1994. P. 59.
52. Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London, 2003. P. 100 — 101, 133.
53. Morrison A. *Russian Rule in Samarkand. 1868—1910. A Comparison with British India*. Oxford, 2008. P. 69, 151.

54. Fedorčenko V. I. *Imperatorskij dom. Vydajuščiesja sanovniki: Ėnciklopedija biografij* [Das Kaiserliche Haus. Herausragende Würdenträger. Biographische Enzyklopaedie]. Vol. 1. Krasnoiar'sk, M., 2000. P. 430—431;
55. *Aziatskaja Rossija. Ljudi i struktury imperii. Sbornik naučnyh statej* [Das asiatische Russland. Menschen und Strukturen des Reiches. Sammelband wissenschaftlicher Aufsätze]. Omsk, 2005. P. 82—84, 234—243.
56. Kimitaka Macuzato, General-Gubernatorstva v Rossijskoj Imperii. Ot ètničeskogo k prostranstvennom podchodu [Das Amt des Generalgouverneurs im Russlaendischen Reich. Von einem ethnischen zum räumlichen Ansatz]. Ilja Gerasimov u.a. Hg., *Novaja imperskaja istorija postsovetskogo prostranstva* [Neue Imperien-Geschichte des postsowjetischen Raumes] Kazan', 2004. P. 427—458.
57. Nach Lindenmeyr war die Gründung eines Wohltätigkeitsvereins «virtually part of the job description for the wives of high officials». Ibid. P. 570.
58. Paperno I. What Can be Done with Diaries? *The Russian Review*. 2004. No. 63. P. 561—573.
59. Zirin M. „A Particle of Our Soul“: Pre-Revolutionary Autobiography by Russian Women Writers. A.M. Barker, J.M. Gheith (Ed.) *A History of Women's Writing in Russia*. Cambridge, 2002. P. 100—116.
60. Warning of a Nihilist Plot. *Chicago Daily Tribune*. 6.7.1893. P. 5.
61. Thomas N. J., Mary Curzon. „American Queen of India“ // Lambert D., Lester A. *Colonial Lives...* P. 285—308.
62. Renner A. Geschlecht und Biographie im Lebensbericht der Anna Bek. J. Herzberg, C. Schmidt (Hg.), *Vom Wir zum Ich...* P. 243—267.
63. Smith S. *A Poetics of Women's Autobiographies. Marginality and the Fiction of Self-Representation*. Bloomington, 1987. P. 26.
64. Ilja Gerasimov u.a. Hg., *Novaja imperskaja istorija postsovetskogo prostranstva* [Neue Imperien-Geschichte des postsowjetischen Raumes] Kazan', 2004. P. 427—458.
65. Prominent Russian Here. *The Washington Post*. 4.7.1893. P. 1.
66. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev (Ed.), *Russian Empire. Space, People, Power, 1700—1930*. Bloomington, 2007.

Поступила в редакцию 4 февраля 2014 г.

ШЕНК Фритъеф Бенъямин, профессор восточно-европейской истории Базельского университета, автор более 70 публикаций об истории памяти и концепциях коллективной идентичности в Центральной и Восточной Европе, истории пространства и коммуникаций, истории инфраструктуры, ментальном картографировании и исторических регионах Европы, сравнительной истории империй, истории политического насилия. benjamin.schenk-at-unibas.ch

SCHENK Fritjof Benjamin, Prof. Dr. Professor für Osteuropäische Geschichte an der Universität Basel, ueber 70 Veroeffentlichungen zur Geschichte von Erinnerung und Konzepten kollektiver Identität in Ostmittel — und Osteuropa, Raum — und Kommunikationsgeschichte, Infrastrukturgeschichte, Mental Mapping und die historischen Regionen Europas, Vergleichende Imperien-geschichte, Geschichte politischer Gewalt. benjamin.schenk-at-unibas.ch